

А. А. ЯКОВЛЕВ

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ «НЕ-МАЛЕНЬКИХ ЛЮДЕЙ» НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

В статье представлен новый подход к истории повседневности. Рассматривается повседневная жизнь интеллектуалов (писатели, ученые, художники) Петрограда в кризисный период существования государства и общества (1920–1921 гг.). Внимание в работе уделяется отдельным элементам, составляющим общую ткань повседневной жизни, таким как питание, одежда, городское (коммунальное) хозяйство.

Ключевые слова: история повседневности, история частной жизни, микроистория, Петроград, интеллектуалы, интеллектуальная культура.

Такое направление, как история повседневности, уже достаточно прочно закрепилось в отечественной исторической науке. Однако за прошедшие годы в российской историографии в рамках данного предметного поля фактически не было создано своего теоретико-методологического направления (исключением отчасти могут служить зачатки истории повседневности в работах тартуско-московской семиотической школы и ученых, придерживающихся такого направления, как историческая антропология).

В большинстве случаев отечественные исторические исследования, находящиеся в рамках истории повседневности, вписываются в разработанное в 1970–1980-е гг. в Германии направление *Alltagsgeschichte*. Впрочем, существуют и продолжатели итальянской микроистории (хотя отнесение микроистории к истории повседневности все же является спорным моментом)¹. Разумеется, приверженность исследователей к теоретическим постулатам *Alltagsgeschichte* порождает ряд особенностей, присущих отечественной историографии. В частности, при конструировании объекта и предмета исследования внимание в основном приковано к так называемому «маленькому человеку», вернуть которого истории (и которому историю) призывали немецкие ученые².

Однако в рамках истории повседневности возможно исследование не только «маленьких людей», но и деятелей науки, искусства, культуры. Более того, подобная направленность исследований представляется весьма важной, поскольку это позволяет взглянуть на известных людей с другой стороны, помимо индивидуальности увидеть некие массовые

¹ Бессмертный. 1997. С. 7-24.

² См., напр.: Лебина. (<http://lib.rus.ec/b/302572/read>); Яров. 1999.

особенности. Рассмотрение в рамках повседневности может способствовать лучшему пониманию произошедших событий, принятых решений, совершенных творческих актов. Это в свою очередь сближает исследования с работами, находящимися в рамках изучения интеллектуальной культуры. Как отмечает Л.П. Репина: «В настоящее время изучение интеллектуальных традиций (в том числе научных) далеко выходит за рамки истории идей, теорий, концепций, систематически обращаясь к анализу конкретных средств и способов их формулирования в соответствующих текстах, и к судьбам их творцов, и к более широким социокультурным контекстам, в которых эти идеи функционировали, воспроизводились, интерпретировались и модифицировались»³. Повседневная жизнь, к примеру, интеллектуалов отчасти и является тем самым важным социокультурным контекстом.

Кроме этого, весьма продуктивным может быть изучение такого концепта, как «ментальный горизонт». Согласно Ю.Л. Троицкому, ментальный горизонт эпохи – это соотношение повседневных состояний и событийных эксцессов, которое проявляется как в дискурсивных практиках, так и в поступках людей. Ментальный горизонт «спокойной» эпохи отличается устойчивым балансом событийности и повседневности, что четко представлено в нормативных текстах культуры того или иного времени. Кризисные явления ментального горизонта проявляются прежде всего в нарушении баланса и отчетливо явлены на языковом уровне. Понятие «ментальный горизонт эпохи» оказывается продуктивным в том смысле, что учитывает не только упомянутые повседневные структуры, но и их нарушения – события и эксцессы. В переломные эпохи повседневная жизнь с ее спокойным течением ставится под вопрос и постоянно нарушается эксцессами и событиями.

Именно с этой точки зрения видится крайне важным исследование повседневной жизни интеллектуалов Петрограда в период революций и Гражданской войны. Стоит, однако, подробнее рассмотреть понятие «интеллектуалы». В моей работе под интеллектуалами подразумевается условная узкая социальная группа жителей Петрограда, которая является частью более широкой социальной группы – интеллигенции. Рассматриваемая мной социальная группа в большей степени определяется принадлежностью к основным научно-культурным центрам Петрограда 1920-21 гг., таким как Дом литераторов, Дом искусств, Дом ученых, а также контактирующим с ними организациям (издательство «Всемирная литература»), Комиссия по улучшению быта ученых).

³ Репина. 2011. С. 380.

В рамках изучения повседневности исследователи нередко обращаются к методам микроистории. В своей работе я также воспользуюсь микроанализом, предполагающим в том числе определенные хронологические и географические ограничения. Хронологические рамки весьма узкие: 1920–1921 гг. Причины их определения можно условно разделить на внешние и внутренние. Внешними причинами являются общие особенности развития исторического процесса и определенные исторические факты. Так, в 1920 г. сначала локализуется, а затем и вовсе прекращается Гражданская война между двумя основными противостоящими силами (для жителей Петрограда Гражданская война фактически заканчивается в конце 1919 г.). Тем самым город переходит к существованию в условиях мирного времени. В то же время продолжается политика военного коммунизма, на смену которой в 1921 г. приходит НЭП. В свою очередь 1921-й – последний год существования Советской России, 1922-й станет годом создания СССР. Наконец, для интеллектуалов 1921-й во многом также станет рубежным: именно после этого года начнется очередная волна эмиграции, квинтэссенцией которой станет «философский пароход». Можно привести еще ряд фактов, свидетельствующих о том, что выделенный временной отрезок является «микроэпохой» в истории Петрограда и государства в целом.

Под внутренними причинами подразумевается восприятие современниками рассматриваемого периода как отдельного этапа частной жизни и исторического процесса. Приведу лишь некоторые высказывания. Вот как Н. Берберова описывала наступление нового, 1922 г.: «После трехлетнего голода, холода, пещерной жизни вдруг зароились фантастические планы – вечеров, балов, новых платьев (у кого еще были занавески или мамыны сундуки); в полумертвом городе зазвучали слова: одна бутылка вина на четырех, запись на ужин, пригласить тапера»⁴. А вот как описывал 1922 г. социолог П. Сорокин: «Страна явно восстанавливалась. Под обломками нашей цивилизации, в глубине человеческих душ и сердец, что-то происходило – рождалось новое поколение, новый дух народа. Что бы ни произошло с нами, возрождение России было неизбежным. Мы могли и подождать, поскольку прошедшие годы научили нас терпению»⁵. Но, даже несмотря на все вышесказанное, весьма сложно вычленить из истории всего два года. Разумеется, корни многих проблем лежат за пределами 1920 г., а последствия распространяются значительно дальше 1921 года.

⁴ Берберова. 1996.

⁵ Сорокин. (<http://lib.rus.ec/b/234529/read>).

Что касается географических ограничений, то рассматриваемые сюжеты имеют местом действия город Петроград. Подобно хронологии, данное выделение имеет ряд причин. В силу особенностей исторического развития России значительное сосредоточение интеллигенции, а значит, и интеллектуалов наблюдается лишь в столичных городах. Говоря о периоде 1920-21 гг., мы находим подтверждение правильности подобного географического выделения и в высказываниях современников. М. Пришвин в ответе на полученное письмо в начале февраля 1922 г. отмечал: «Вся интеллигенция собралась в два лагеря – за границей и в Питере, одно эмигрантское, другое академическое, и спор идет между этими двумя обществами, вся остальная страна живет про себя»⁶.

Итак, какова же была повседневная жизнь интеллектуалов Петрограда? Мы рассмотрим лишь некоторые её элементы, связанные с питанием, одеждой и городским (коммунальным) хозяйством.

Одной из главных проблем для жителей Петрограда в период революции и Гражданской войны стали трудности с обеспечением продовольствием. Сложности со снабжением города начались еще до Февральской революции и не прекращались в течение нескольких лет. Уже Временное правительство ввело карточки на продукты питания. С приходом к власти большевиков ситуация после кратковременного улучшения продолжила постепенно ухудшаться. Рацион горожан сокращался и оскудевал. Об этом весьма красноречиво написала в своих воспоминаниях З. Гиппиус: «К весне 1919 г. почти все наши знакомые изменились до неузнаваемости... Опухшим... рекомендовалось есть картофель с кожурой, но к весне картофель вообще исчез, исчезло даже наше лакомство – лепешки из картофельных шкурок. Тогда царила вобла, – и кажется я до смертного часа не забуду ее пронзительный, тошный запах»⁷. Ситуация с продовольственным снабжением и питанием граждан не изменилась в лучшую сторону и к 1920 г. Причин такого положения было несколько, как более общего характера – Гражданская война и иностранная интервенция, – так и спровоцированные этими событиями перебои в железнодорожном сообщении и разгрузке вагонов, потеря ряда территорий Российской империи и, следовательно, сбой в товарообороте. Немаловажной причиной была и политика военного коммунизма, сопровождавшаяся запретом частной торговли и свертыванием товарно-денежных отношений. С переходом в марте 1921 г. к НЭПу ситуация несколько улучшилась, однако кардинальных изменений в течение года не произошло.

⁶ Пришвин. 1986. С. 691.

⁷ Цит. по: Петроград на переломе эпох... 2000. С. 67.

В условиях военного коммунизма основным источником продовольственного обеспечения становились пайки. (Хотя частная нелегальная торговля и сохранялась, высокие цены не позволяли большинству населения покупать продукты питания, равно как и другие товары. Так, служа хранителем музея, баронесса Врангель получала жалование в размере 18 тыс. руб., при этом фунт хлеба стоил 400-500 руб.)⁸. Значение пайка сохранялось и в 1921 г. в силу той же дороговизны.

В особо тяжелом положении находились представители интеллигентных профессий, что было обусловлено их социальным статусом. Советское руководство причисляло интеллектуалов к классу буржуазии, и, согласно постановлению Петроградского совета от 29 мая (вступило в действие с 1 июля) 1918 г. о классовом пайке, они получали низший уровень (жители делились на 4 категории) пайкового обеспечения (при том, что даже паек 1-й категории обеспечивал лишь 20% необходимого для нормального питания рациона)⁹. Кроме того, даже такое скромное обеспечение нужно было еще раздобыть (не каждое учреждение давало паек). О своем отъезде в конце 1920 г. в Петроград Н. Берберова писала: «В Петербург-Петроград. Зачем? Неизвестно. Может быть – учиться, (если дадут паек), а нет – так служить. Паек зря тогда не писался с заглавной буквы»¹⁰. Паек, от которого начинает зависеть жизнь человека, приобретает огромное значение. Еще в декабре 1919 г. А. Блок в «Чукоккале» написал, по выражению художника Ю. Анненкова, «шуточное» стихотворение:

*Нет, клянусь, довольно Роза¹¹
Истошала кошелек.
Верь, безумный, он – не проза,
Свыше данный нам паек!¹²*

Как видно из сказанного, одного пайка было недостаточно для обеспечения жизнедеятельности, приходилось добывать дополнительные пайки, этот процесс назывался «пайколовством». Он включал в себя хождение (а порой и просто беготню) по различным учреждениям, выпрашивание там продуктов и других товаров, устройство на службу сразу в несколько мест и прочие подобные ухищрения. Помимо общих гражданских пайков, существовали различные пайки ведомств, учре-

⁸ Врангель. 1922. С. 199-200.

⁹ Петроград на переломе эпох... С. 71.

¹⁰ Берберова. 1996. С. 138.

¹¹ Розой звали женщину, торговавшую продуктами в помещении издательства «Всемирная литература».

¹² Цит. по: Анненков. 2005. С. 80.

ждений и т.п. Их количество и содержание варьировались: «Они (*пайки*) выдавались всем ученым и лишь двадцати пяти писателям. В марте 1921 г. Горький привез из Москвы еще восемьдесят. Надо было составить список писателей-кандидатов. Образовали комиссию»¹³. Ю. Анненков так описывал свое пайковое обеспечение: «Я получал общий гражданский, так называемый *голодный*, паек. Затем “ученый” паек, в качестве профессора академии художеств.¹⁴ Кроме того, я получал “милицейский” паек за то, что организовал культурно-просветительскую студию для милиционеров»¹⁵. «Пайколовство» порой выглядело забавно и смешно и даже доходило до абсурда, тем не менее за этим скрывается трагизм сложившейся ситуации, который в свою очередь многими современниками воспринимался с определенной долей иронии. Подтверждением тому служат слова все того же Ю. Анненкова: «Я получал еще “усиленный паек Балтфлота”, просто так, за дружбу с моряками, и, наконец, самый щедрый паек “матери, кормящей грудью”, за то, что в Родильном центре “Капли молока имени Розы Люксембург” читал акушеркам лекции по истории скульптуры»¹⁶. Однако не всем везло в получении пайков. Так, неудачи на этом поприще терпели А. Блок и А. Белый. К. Чуковский, напротив, был «успешен», подобно Ю. Анненкову: отмечая свой день рождения в 1920 г., он подметил, что для приготовления праздничного пирога потребовались продукты из 5 пайков разных учреждений!¹⁷ В целом поиск пайков, продуктов и весь процесс обеспечения себя и своих близких питанием отнимал колоссальное количество сил, но и это часто не помогало спастись от голода.

Голод становился перманентным. Если человек не голодал в данный момент, он жил в ожидании и страхе наступления голода или помнил недавно пережитое. 9 марта 1921 г. К. Чуковский записал в дневнике: «Я хочу продать мои сказки – т.к. у меня ни гроша, а нужно полтораста или двести тысяч немедленно. Каждый день нам грозит голод»¹⁸. Подобным настроем наполнены дневники и мемуары современников К. Чуковского. Вот еще одна характерная фраза: «Опять идет бесхлебица, тоска недоедания. Уже хлеб стал каким-то редким лаком-

¹³ *Ходасевич* (http://az.lib.ru/h/hodasewich_w_f/text_1000.shtml).

¹⁴ «Ученый» паек – повышенный паек для научных сотрудников, введенный после постановления СНК от 23 декабря 1919 г. «Об улучшении положения научных специалистов».

¹⁵ *Анненков*. 2005. С. 81.

¹⁶ Там же. С. 81-82.

¹⁷ *Чуковский*. 1991. С. 143.

¹⁸ Там же. С. 161.

ством»¹⁹. Недоедание, голод или его ожидание были неотъемлемой частью повседневной жизни рассматриваемого периода.

Еще одной характерной чертой стало исчезновение из рациона жителей Петрограда ряда продуктов. Люди не имели возможности не только их употреблять, но и попросту видеть. Исчезли мясо, молоко и молочные продукты, яйца, белый хлеб (вообще хлеб хорошего качества, без примесей), сахар (зачастую заменялся сахарином). Распространенным явлением стали разговоры на кулинарные темы. Ю. Анненков так описывал подобную ситуацию (во время встречи с А. Блоком): «Заговорили о пайках, о жареных рябчиках с брусничным вареньем. Недоедая и питаясь дрянью и гнилью, все много (и почти серьезно) говорили в голодные годы на кулинарные темы. У многих из нас осталась эта привычка. В том числе и у меня»²⁰. Тем самым еда – при ее отсутствии или наличии только продуктов плохого качества и в недостаточном количестве – становится неким символическим объектом. Она недоступна, не существует здесь и сейчас и символизирует некую иную жизнь и реальность. Значение символа в данный период могли приобретать и отдельные продукты. Актер Н. Монахов вспоминал, что слово «пикша» стало заменять тост во время застолий в компании М. Горького и Ф. Шаляпина: «Так, когда наливалось в бокал вино, то, поднимая его, пьющий говорил: “Пикша”, и все отвечали ему: “Пикша”»²¹. Пицца приобретала и иное ценностное значение. К примеру, на Рождество К. Чуковский получил от своих детей мешочки с сухарями²².

Трудности, связанные с продуктовым обеспечением, не могли не повлиять и на сознание горожан, на восприятие ими действительности. Люди переставали думать обо всем, кроме еды: «В духовном смысле положительно опустились, вопросы желудка на первом месте»²³. Баронесса Врангель в своих воспоминаниях упоминает разговоры на кулинарные темы (при этом сам разговор мог начинаться с чего угодно, но обсуждение продуктов питания становилось его неотъемлемой частью). Проблемы, связанные с продовольственным обеспечением, негативно отражались на психологическом, эмоциональном состоянии горожан, голод и недоедание сказывались и на работе головного мозга: «Большинство стало раздражительные, издерганные и затравленные. Все по-

¹⁹ Там же. С. 158.

²⁰ Анненков. 2005. С. 79.

²¹ Монахов. 1961. С. 183.

²² Чуковский. 1991. С. 137.

²³ Врангель. 1922. С. 211.

головно страдают беспамятством»²⁴. О подобном явлении писал и П. Сорокин: «У многих начинались провалы в памяти, развивались голодный психоз и бред»²⁵. К. Чуковский с удивлением для себя замечал, как изменяется человеческое восприятие даже при чтении литературы: «Теперь мне нельзя читать ни о чем, я всегда думаю о пище; вчера читал Чехова, “Учитель словесности”, и меня ужасно поразило то место, где говорится, что они посетили молочницу, спросили молока, но *не пили*. Не пили молока!!! Я сказал детям, и оказывается, они все запомнили это место и удивлялись ему, как я»²⁶. Очевидно, что и взрослое, и детское внимание остро нацелено на то, чего нет или не хватает, – это свидетельствует и о перестройке системы ценностей. Не имеющее принципиальной важности для героев произведения не выпитое молоко обращает на себя пристальный взгляд жителя Петрограда 1920–21 гг. Как уже отмечалось, молоко в эти годы в Петрограде было весьма редким и недоступным продуктом. В своем дневнике К. Чуковский чуть ранее приведенной выше цитаты писал о встрече с А. Ахматовой: «“Приходите ко мне сегодня, я вам дам бутылку молока – для вашей девочки”. Вечером я забежал к ней – и дала! Чтобы в феврале 1921 года один человек предложил другому – бутылку молока!»²⁷.

Детское восприятие, подмечаемое К. Чуковским, особенно любопытно. Так, например, наблюдая за детьми, он обнаруживает их игровое восприятие ситуации бескормицы: «У Бобы была в гостях Наташенька Жуховецкая, они на диване играли в “жаркбе”. Сначала он жарил ее, она шипела ш-ш-ш, потом она его и т.д.». Дети подхватывают и городской фольклор, таким образом тяжелые жизненные условия быстро усваиваются ими через подобные каналы, при этом приобретая категорию нормы: «Сейчас Боба вбежал в комнату с двумя картофелинами и, размахивая ими, сказал: “Папа, сегодня один мальчик сказал мне такие стихи: «Нету хлеба – нет муки, не дают большевики. Нету хлеба – нету масла, электричество погасло»»²⁸.

Продукты питания в данный период начинали играть и другую очень важную роль. Они становились средством, мотивирующим и поощряющим те или иные действия. Выполняя, по сути, функцию денег, они становились чем-то гораздо большим. Это обуславливалось постоянным обесцениванием денежных знаков, с одной стороны, и ростом

²⁴ Там же.

²⁵ Сорокин. (<http://lib.rus.ec/b/234529/read>).

²⁶ Чуковский. 1991. С. 158–159.

²⁷ Там же. С. 157.

²⁸ Чуковский. 1991. С. 138.

товарного дефицита – с другой. В. Ходасевич вспоминал: «Однажды вечером – стук в дверь. На пороге какая-то женщина – пришла приглашать меня читать лекции о Пушкине в клубе имени Подбельского. Поначалу я отказался, наученный московским опытом. Но женщина привела доводы неопровержимые: сколько-то фунтов черного хлеба и фунт повидла в неделю»²⁹.

Как утверждают авторы работы «Петроград на переломе эпох», большую роль в преодолении продовольственных проблем сыграла организация сети общественного питания. «К началу 1920 г. насчитывалось свыше 700 коммунальных столовых»³⁰. Однако качество пищи в этих столовых было весьма низкое: «Питалась я в общественной столовой с рабочими, курьерами, метельщицами, ела темную бурду с нечищенной гнилой картофелью, сухую, как камень, воблу или селедку, иногда табачного вида чечевицу или прежуткую пшеничную бурду, хлеба 1 ф. в день, ужасного из опилок, высевок, дуранды и только 15% ржаной муки»³¹. И все же такой рацион оказывался не самым скудным: в этих столовых было развито попрошайничество – к посетителям нередко обращались не имеющие даже такой пищи люди с просьбами оставить им что-нибудь поесть. Порой меню предприятий общественного питания поражали парадоксальностью: так, при плохих обедах в столовой Дома искусств подавали пирожные³².

Подобные контрасты усилились с началом НЭПа. Прогуливаясь во время свидания, девушка могла по приглашению своего кавалера зайти во вновь открывшееся частное кафе и отведать пирожных с чаем, но при этом в своей обычной жизни даже на праздник собственного дня рождения она пила лишь морковный чай с черным хлебом³³. На литературных «понедельниках» у Наппельбаумов (там бывали А. Ахматова, Н. Берберова, К. и Н. Чуковские, «Серрапионовы братья», Ф. Сологуб и др.) и вовсе пили так называемый «чай» (кипяток – в холодное время года и простую воду – в теплое) с куском черного хлеба. Впрочем, контрасты в обеспечении питанием существовали в Петрограде и до НЭПа. Основным критерием при распределении продовольствия была даже не удача в «пайколовстве», а близость к власти. Монахов посещал баню Дома ученых с Горьким и Шаляпиным и так описывал сопутствующие этому посиделки: «После бани нас угощал “чаем” завхоз “Дома ученых”

²⁹ Ходасевич. (http://az.lib.ru/h/hodasewich_w_f/text_1000.shtml).

³⁰ Петроград на переломе эпох... С. 67.

³¹ Врангель. 1922. С. 200.

³² Ходасевич. (http://az.lib.ru/h/hodasewich_w_f/text_1000.shtml).

³³ Берберова. 1996. С. 157.

А. Роде. По тогдашним голодным временам “чай” был очень обильным и роскошным. Было и масло, и белый хлеб, и колбаса, и даже красное вино»³⁴. Горький в то время был весьма влиятельным человеком, одно его имя порой творило чудеса. Художник Анненков, приехавший в 1920 г. в один из южных городов в командировку (командировка была санкционирована Горьким), обнаружив там продуктовое изобилие, решил совершить закупку товаров: «Подпись Горького произвела в Комиссариате по продовольствию магическое впечатление, и мне был оказан горячий и почтительный прием в “Департаменте круп и мучных продуктов”, в “Отделе жировых веществ”, в “Консервной секции”, в “Подкомиссии по копчению”». Подпись же помогла художнику успешно транспортировать закупленное в Петроград (на транспорте велась борьба с мешочниками). Нельзя не сказать и о существовавшем контрасте в продуктовом обеспечении различных регионов. Все тот же южный город, не так давно занятый Красной Армией, поражал Анненкова, приехавшего из голодного Петрограда, своим изобилием: «Необозримые рынки, горы всевозможных хлебов и сдоб, масла, сыров, окороков, рыбы, дичи, малороссийского сала; бочки соленья и маринада; крынки молока, горшки сметаны, варенца и простокваши; гирлянды колбас»³⁵.

Таким образом, период 1920-1921 гг. в плане продовольственного обеспечения стал во многом самым тяжелым для интеллектуалов Петрограда. Получение продуктов в соответствии с пайками и необходимость их добывать занимали весьма существенное пространство повседневной жизни. Сама жизнь начинала зависеть от этого, при этом не все были успешны в деле «пайколовства». Исчезновение продуктов, сокращение и ухудшение качества рациона питания и в целом ситуация недоедания и голода не могли не сказываться на психофизиологическом состоянии горожан. Ухудшалась работа всего организма, в том числе и головного мозга. Изменялась система ценностей, пища, отдельные продукты питания начинали играть не свойственные им прежде роли, порой переходя в статус символических и почти нереальных объектов. В то же время они становятся и самой твердой валютой. Осуществляемые правительством меры по преодолению продовольственной проблемы за кратковременный период не могли коренным образом изменить ситуацию. Однако на общем фоне могло ярко контрастировать обеспечение отдельных граждан. Необходимо отметить и плачевное положение Петрограда по сравнению с отдельными регионами.

³⁴ Монахов. 1961. С. 183.

³⁵ Анненков. 2005. С. 39.

Не менее серьезной проблемой для жителей Петрограда были трудности, связанные с водопроводной системой. Как и продовольственные, они начались еще в 1917 г., а к 1920-21 гг. достигли апогея. К зиме 1919-20 гг. замерзли и полопались водопроводные трубы. Это означало, что люди оставались без привычных ванн и уборных. Вот как описывал ситуацию В. Шкловский: «Зимой замерзли почти все уборные. Это было что-то похуже голода. Да, сперва замерзла вода, нечем было мыться... Мы не мылись. Замерзли клозеты»³⁶. Воду для любых хозяйственно-бытовых нужд необходимо было носить в ведрах с улицы. На улицу же выносили помои и нечистоты. В. Шкловский отмечает и тот факт, что участились случаи отправления естественной нужды на улице. Но даже там, где водопровод продолжал функционировать, возникали различные сложности. Из-за нехватки топлива водопроводные станции не могли обеспечить должного давления, и вода не поступала на верхние этажи. Однако парадоксальным образом увеличивалось потребление воды: «Вследствие расстройтва уличной и домовой сети (*вода попросту протекала*) на одного жителя в 1921 г. приходилось 28,3 ведра в день, в 1916 – 10,8 ведра в день»³⁷. Помывка превращалась в весьма проблематичное занятие. Так, в Доме искусств, чтобы принять ванну, необходимо было заранее записываться и ждать очереди. Писательница В.К. Кетлинская вспоминала о «бане»: «Раз в неделю устраивали “баню”»: нагревали в кухне воду и затем у себя в комнате над тазом мылись с ног до головы»³⁸. Не лучшим образом обстояло дело и со стиркой. Стирка вещей дома была осложнена целым рядом обстоятельств, таких как непригодность квартир, отсутствие водопровода и возможности нагрева воды, трудности в получении и покупке моющих средств. Но трудности поджидали и желающих отдать вещи в прачечную, как писал П. Сорокин: «Прачечные, как буржуазный элемент, исчезли»³⁹. Действительно, с октября 1919 г. в Петрограде функционировала лишь одна прачечная (бульвар Красных зорь, 26/28)! Однако она не принимала заказы от населения в силу загруженности по госзаказу⁴⁰. Баронесса Врангель упоминает о возможности сдать белье частным прачкам, но это представлялось также малодоступным вариантом в силу дороговизны. Вследствие перебоев в системе очистки оставляло желать

³⁶ Там же. С. 34.

³⁷ Демидова. 2008. С. 145.

³⁸ Цит. по: Демидова. 2008. С. 161.

³⁹ Сорокин. (<http://lib.rus.ec/b/234529/read>).

⁴⁰ См. Демидова. 2008. С. 158.

лучшего и качество водопроводной воды. Повседневной реальностью становился облик города, погружающегося в грязь. Отсутствие возможности регулярно мыться и проводить гигиенические процедуры приводило к появлению паразитов и способствовало развитию различных заболеваний. Болезни распространялись и в результате потребления воды, очищенной ненадлежащим образом (особую опасность в связи с возможностью эпидемий представляли холера и тиф).

Вышедшие из строя трубы усугубили ситуацию и с отоплением (хотя оно и без того практически перестало работать после зимы 1917-18 гг.)⁴¹. Помимо голода, жителей Петрограда стал сопровождать холод. Нередким явлением стала нулевая и даже отрицательная температура в жилых помещениях. Людям приходилось спать в одежде, закутываясь во что только можно: «Так как у меня в комнате температура была на нуле, я спала одетая, да еще прикрытая всяким тряпьем»⁴². Для того чтобы не замерзнуть во сне, горожане использовали и верхнюю одежду: «Я ложился спать в тулупе и валенках, в барашковой шапке, накрываясь одеялами и коврами»⁴³. В. Шкловский отмечал и такую любопытную деталь: в условиях недостаточного количества отапливаемых помещений люди словно жались друг к другу, и из-за этого в полупустом городе создавалось ощущение тесноты.

В сложившихся обстоятельствах горожанам пришлось переходить на печное отопление. Многие дома были вовсе не приспособлены для этого – в них ставили небольшие металлические печки, так называемые «буржуйки» (в данной ситуации в более выгодном положении оказывались люди, проживавшие в помещениях, где отсутствовало центральное отопление, так как там имелось необходимое для обогрева оборудование: «Достоинством нашего коридора было то, что в нем не было центрального отопления: в комнатах стояли круглые железные печи доброго старого времени, державшие тепло по-настоящему, а не так, как буржуйки»⁴⁴). Они, в свою очередь преобразя интерьер и экстерьер, изменяли жизненное пространство горожан: «Через всю комнату идет из печки труба и уходит в каминную отдушину. Из нее иногда капает черная вонючая жижа»⁴⁵. Однако, как отмечают исследователи, «буржуйки» не могли решить всех отопительных проблем: «Эффект от та-

⁴¹ Петроград на переломе эпох... С. 64.

⁴² Врангель. 1922. С. 202.

⁴³ Анненков. 2005. С. 88.

⁴⁴ Ходасевич. (http://az.lib.ru/h/hodasewich_w_f/text_1000.shtml).

⁴⁵ Берберова. 1996. С. 159.

ких печек был весьма низким: они давали тепло только тогда, когда горели, и только в той комнате, где стояли»⁴⁶. И даже это оказывалось недостаточным, отсутствие отопления делало холод непобедимым, обогрев своего собственного организма становился серьезной задачей.

Однако даже малоэффективную печку нужно было чем-то топить. Дрова были серьезным дефицитом: «Самым ценным подарком в 1919 г. стали дрова на растопку»⁴⁷. Как и ради продуктов питания, за дровами приходилось ходить по учреждениям, стоять в очередях. Получение же дров тоже не гарантировало облегчения, часто они были ненадлежащего качества (сырые). Тем не менее поиск, получение и дальнейшая заготовка дров становились регулярной практикой. Дневниковая запись К. Чуковского от 12 февраля 1920 г. отчетливо рисует повседневные проблемы холода и необходимости заготовки дров: «Бегу в холодную комнату к телефону и звоню в телефон Каплуно, в Горохор, в Политотдел Балтфлота. Воды в кране нет, дрова нужно пилить»⁴⁸. Через год, в феврале 1921 г. К. Чуковский ярко опишет вполне типичный распорядок дня, неотъемлемой частью которого является и заготовка дров: «А в 11 часов куда-нибудь – в Петросовет попросить пилу для распилки дров, или в Дом Ученых, не дают ли перчатки, или в Дом Литераторов – нет ли капусты...»⁴⁹. Однако дрова доставались не всем и не всегда. Холод и необходимость обогреваться заставляли людей жечь все подряд. Живя зимой 1919-20 гг. в квартире Д.И. Менделеева, Ю. Анненков так описывал свою борьбу с холодом: «Я сжег в печи сначала дверь, отделявшую ученый кабинет от прихожей, затем дверь из коридора в кухню. Потом наступила очередь паркетин»⁵⁰. Противостояние холоду доводило порой до отчаяния: тот же Анненков сокрушался о том, что если бы задержался в квартире на более долгое время, то пришлось бы сжигать библиотеку ученого. Более экспрессивный В. Шкловский писал в статье «Петербург в блокаде»: «Я сжег свою мебель, скульптурный станок, книжные полки и книги. Если бы у меня были деревянные руки и ноги, я топил бы и оказался бы к весне без конечностей»⁵¹. В то же время в городе началась разборка деревянных домов на дрова, на улицах стали образовываться бреши и рукотворные руины.

⁴⁶ Петроград на переломе эпох... С. 64.

⁴⁷ Сорокин. (<http://lib.rus.ec/b/234529/read>).

⁴⁸ Чуковский. 1991. С. 140.

⁴⁹ Там же. С. 156.

⁵⁰ Анненков. 2005. С. 88.

⁵¹ Цит. по: Анненков. 2005. С. 34.

Еще одной проблемой для горожан стала одежда. Как известно, костюм, который мы носим, есть нечто большее, чем просто средство защиты от неблагоприятной погоды или необходимая деталь для появления в обществе. Одежда наделена и более глубокими смыслами – нельзя не согласиться с мыслью Н.Б. Лебиной: «Платье представляет собой определенную норму, имеющую материальное выражение и ментальное содержание. В семиотическом контексте предметы гардероба обладают ярко выраженным знаковым содержанием»⁵². Необходимо отметить, что в рассматриваемый период произошло весьма серьезное изменение знакового содержания одежды. Революция 1917 г. и последовавшие за ней события коренным образом изменили облик горожан, а это повлияло и на социальные отношения, и на самовосприятие.

В целом ситуация с предметами гардероба в Петрограде 1920-21 гг. была весьма плачевной: «Г. Уэллс, посетивший Петроград осенью 1920 г., писал: “Люди обносились... Вряд ли у кого в Петрограде найдется, во что переодеться”»⁵³. Как и в вопросах обеспечения другими товарами, в самом худшем положении оказались представители интеллигентных профессий, «бывшие», «буржуи». В условиях военного коммунизма одежда распространялась посредством пайков, вышеперечисленные же социальные группы получали пайки последнего разряда. Кроме того, еще осенью 1918 г. многие вещи были изъяты в ходе кампании по обеспечению фронта теплыми вещами за счет «нетрудовых элементов». В ситуации борьбы с голодом и холодом многие вещи продавали или меняли: «Благо сапоги у меня были мужские, – я променяла их как-то за клочок серого солдатского сукна в 2 1/2 аршина. Такими гешефтами все тогда занимались, сперва как-то стыдно было, а потом все так привыкли, будто только всю жизнь это и делали»⁵⁴. За весьма короткий промежуток времени одежда приходила в негодное состояние – и за счет изменения образа жизни и распорядка дня, и по причине редкой стирки и невозможности починки. Дома и на работе ходили в буквальном смысле в чем придется: «Мчалась на службу, в стужу и непогоду, в рваных башмаках, без чулок, ноги обматывала тряпкой»⁵⁵. Характерное описание внешнего вида институтских преподавателей оставила Н. Берберова: «Томашевский весь в заплатах, с опухшими глазами, Эйхенбаум с подвязанными веревкой подошвами»⁵⁶. Подобным образом

⁵² Лебина. (<http://lib.rus.ec/b/302572/read>).

⁵³ Там же.

⁵⁴ Врангель. 1922. С. 200.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Берберова. 1996. С. 158.

выглядела значительная масса горожан. Обношенность, жалкий вид одежды становились повседневной нормой. Это особенно хорошо было заметно во время массовых мероприятий: «Знакомая К.И. Чуковского рассказывала ему, “что в церкви, когда люди встанут на колени, очень любопытно рассматривать целую коллекцию дыр на подошвах. Ни одной подошвы без дыры!”»⁵⁷.

Одежду доставали разными способами: бегали по учреждениям в поисках пайка, выменивали или покупали на черном рынке, доставали у родственников и друзей, изготавливали из подручных средств, при этом в ход шли разные материалы (занавески, сафьяновые обложки и т.д.). Подобно «пирогу Чуковского» (для приготовления которого понадобилось пять различных пайков), внешний вид горожанина складывался мозаичным образом: «Перелицованное ватное пальто, зеленая шапка “мономаховского” фасона, валенки, сшитые на заказ у вдовы какого-то бывшего министра, из куска бобрика (кажется, когда-то у кого-то лежавшего в будуре), на медных пуговицах, споротых с чьего-то мундира»⁵⁸.

Как уже отмечалось, посредством одежды выражались и новые социальные нормы (ею же они, в свою очередь, и диктовались). Люди в силу сложившихся внешних обстоятельств не могли надеть ранее им привычные предметы гардероба (порой это могло даже нести опасность для жизни). «Стирались внешние проявления социальных границ (одежда), и исчезала внутренняя индивидуальность отдельно взятых личностей в обществе. Стало сложно отделить преступника от стража порядка, промышленника от педагога и т.д. по внешнему виду, по манере поведения, по способу мыслить»⁵⁹. Ярким примером сложившейся ситуации (когда у людей оставались вещи, по сути, другой эпохи и им не находилось применения в современной жизни) служит курьез, описанный баронессой Врангель: «Одна из девиц, на всякое дежурство (*дежурство жильцов у ворот дома с 22.00 до 1.00*) облачалась для потехи в оставшееся от былого великолепия вечернее платье, шикарную еще сохранившуюся шляпу и в белые перчатки, уверяя, что это единственный случай себя показать»⁶⁰. Однако тогда же устанавливались правила нового времени. Как и в случае с продовольствием, близость к власти открывала доступ к хорошей одежде. Н.Б. Лебина замечает: «Наряду с обшарпанной массой на улицах российских городов можно было увидеть относи-

⁵⁷ Петроград на переломе эпох... С. 68-69.

⁵⁸ Берберова. 1996. С. 158.

⁵⁹ Цит. по: Российская повседневность... 2011. С. 63.

⁶⁰ Врангель. 1922. С. 201.

тельно прилично одетых людей. Это представители новой партийно-государственной элиты»⁶¹. Чаще это было заметно по женщинам. З. Гиппиус еще летом 1919 г. отмечала, что, в то время как в приемной комиссара театров и зрелищ союза коммун Северной области М.Ф. Андреевой – томились люди, сама она беседовала с личным сапожником.

Можно с уверенностью говорить, что сложившаяся к 1920 г. ситуация с водопроводной и отопительной системами и обеспечением одеждой была подобна обстановке с продовольствием. Горожане находились в тяжелых условиях фактического отсутствия водопровода. Не все могли обеспечивать свои нужды за счет натаскивания воды в ведрах (в силу хотя бы физической неспособности). Это приводило к общему ухудшению санитарно-эпидемиологической обстановки. Отсутствие центрального отопления, возникающие трудности с печным отоплением создавали поистине страшную картину повседневной жизни горожанина, когда спутником голода становился холод. Помимо этого, трудности с водопроводом и отоплением становились причиной загрязнения города, приводили к эпидемиям и появлению рукотворных руин. В то же время возникало описанное В. Шкловским ощущение сжатия пространства. В дополнение к этому люди испытывали трудности в обеспечении одеждой. Приходилось прикладывать массу усилий для того, чтобы выглядеть более-менее прилично. Кроме того, менялся внешний облик горожанина: он не просто был в обносках, он был как «другие». Стало невозможным носить целый ряд вещей из старого гардероба (если даже они сохранились). В свою очередь, внешняя одинаковость диктовала и новые социальные отношения, демонстрируя равенство.

Итак, человек как биологическое существо в 1920-21 гг. оказался в тяжелейших для выживания условиях. Кроме того, для разных групп населения условия были не всегда одинаковы, и рассматриваемая нами социальная группа находилась порой в самом тяжелом положении. Наметилась тенденция выделения ряда людей за счет лучшего материального обеспечения в зависимости от близости к власти. Описанные нами реалии становились средой обитания. Однако важно, что подобная ситуация не переставала вызывать ужас, удивление, шок. Это, в свою очередь, доказывает, что существовавшая повседневность окончательно не перешла в категорию нормы.

Возвращаясь к определению ментального горизонта, можно заметить, что, пожалуй, никогда прежде он не вбирал в себя столь контрастных и противоречивых явлений. Исследование же концепта «менталь-

⁶¹ Лебина. (<http://lib.rus.ec/b/302572/read>).

ный горизонт», сочетающего в себе событийность и повседневность, является, на наш взгляд, весьма эффективным при изучении повседневной жизни «не-маленьких людей».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анненков Ю.А.* Дневник моих встреч. Цикл трагедий. М., 2005. 732 с.
- Берберова Н.Н.* Курсив мой. Автобиография. М., 1996. 736 с.
- Бессмертный Ю.Л.* Что за «Казус»?.. //Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 1997. С. 7-24.
- Врангель М.Д.* Моя жизнь в советском раю // Архив русской революции. (Репринт. изд. 1922 г.). М., 1991. № 4. С. 198-214.
- Демидова А.Р.* Хозяйственная жизнь Петрограда 1917 – начало 1920-х гг. город в условиях экстраординарности: дис. ... канд. ист. наук. СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 2008. 238 с.
- Лёбина Н.Б.* Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920-1930 годы. URL: <http://lib.rus.ec/b/302572/read>
- Монахов Н.Ф.* Повесть о жизни. Л.-М., 1961. 300 с.
- Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и гражданской войны. СПб., 2000. 350 с.
- Пришвин М.М.* Собрание сочинений. В 8 т. Т. 8. Дневники 1905-1954 гг. М., 1986. 760 с.
- Ретина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. 560 с.
- Российская повседневность: вторая половина XIX – начало XXI века: [учеб. пос.] / под ред. Л.И. Семенниковой. М.: МГУ, 2011. 244 с.
- Сорокин П.А.* Дальняя дорога. Автобиография. URL: <http://lib.rus.ec/b/234529/read>
- Ходасевич В.Ф.* Воспоминания. О себе // Библиотека Максима Машкова. http://az.lib.ru/h/hodasewich_w_f/text_1000.shtml.
- Ходасевич В.Ф.* Избранная проза. В 2 т. Т. 1. Белый коридор. Воспоминания // Библиотека Максима Машкова. http://az.lib.ru/h/hodasewich_w_f/text_1000.shtml.
- Чуковский К.И.* Дневник. 1901–1929. М., 1991. 544 с.
- Яров С.В.* Горожанин как политик: Революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев. СПб., 1999. 319 с.
- Яковлев Алексей Александрович**, аспирант кафедры теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета; yakovlevleshka@mail.ru